

Гарри Поттеру не нравился этот план. Он вообще ему не нравился. Дамблдор в своей бесконечной мудрости решил, что он просто "не справляется" и что они должны вызвать "героя" (на самом деле это был "Победитель Волдеморта") из другого измерения, а затем каким-то образом убедить этого несчастного помочь им в решении проблемы Темного Лорда. Гарри не знал, откуда Дамблдор взял этот ритуал, но он чувствовал, что все закончится очень и очень плохо.

Гарри очень сомневался, что вызванный ими "ванишер" будет в здравом уме, чтобы действительно помочь им. Если бы кто-то вытащил его из своего измерения сомнительными законными способами и ожидал, что он будет вести за них войну, он бы, скорее всего, рассмеялся им в лицо, сказал, чтобы они отправлялись к черту, а сам бы в это время занялся творческими делами с помощью ножки ближайшего стула. В этом ритуале столько всего могло пойти не так, и Гарри был в легком ужасе от самого себя, что позволил Дамблдору уговорить его присутствовать на этой мерзости, даже если ему и удалось увильнуть от активного участия.

Магия становилась всё гуще, пока не стало трудно дышать, и выровнялась в тот момент, когда Дамблдор сказал им (а они, конечно же, были Орденом Феникса), что в ходе ритуала устанавливается контакт с "героем" на другой стороне. Это было необходимо, потому что, по всей видимости, магия должна была внушить получателю желание следовать за тягой обратно в это измерение - что Гарри показалось довольно сомнительным, но он переголосовал по этому вопросу - и побудить его пойти с ними, не сопротивляясь ритуалу, что могло бы повредить всем участникам.

То, что не должно было произойти, - это то, что магическая сила потянула их назад. Казалось, вся комната задрожала, словно какой-то бог ухватился за реальность и дернул ее. Все в шоке и удивлении переговаривались друг с другом, гадая, что же произошло и правильно ли работает ритуал, а в душе Гарри нарастало тревожное чувство. Почти без раздумий его зеленые глаза встретились с черными, когда единственный протестующий встретил его взгляд с другого конца комнаты. Невероятно, но Гарри понял, что только он и Снейп, похоже, осознали, что ритуал сработал как надо. Просто... то, что они зацепили на конце своей линии, было намного, намного больше, чем они сами.

"Ребята...?" неуверенно произнёс Гарри, которого почти не было слышно в этом хаосе, но он всё равно продолжал. "Это очень плохая идея".

Его, конечно же, проигнорировали.

Дамблдор ободряюще подмигнул им всем, благожелательно подняв руки в знак спокойствия. "Пожалуйста, успокойтесь все. Ритуал работает правильно; мы просто неправильно рассчитали, сколько энергии нужно, чтобы пересечь измерения таким образом". И как бы в подтверждение этого утверждения, магия в воздухе удвоилась, так как Дамблдор, очевидно, еще больше подтолкнул себя, что слегка впечатлило Гарри, но он был слишком напуган, чтобы искренне заботиться о том, сколько магии разбрасывает старик.

Как только Гарри подумал, что магия в воздухе утопит их всех, ее словно засосало в середину комнаты, как раз в тот момент, когда воздух разорвался пополам. В воздухе появилась огромная зазубренная трещина, по другую сторону которой не было ничего, кроме пустой, бесформенной черноты. Беспокойство Гарри усилилось втрое.

Бледная длиннопалая рука осторожно обхватила один край разрыва в реальности, на костлявом пальце красовалось большое серебряное кольцо с чёрным камнем, а из прорехи на деревянный пол, который тут же почернел и начал гнить, ступила обутая в сапоги нога. Из трещины появился человек, как будто такие вещи происходят каждый день, одетый в черное и серебряное, которое обвилось вокруг него, как неосязаемая змея, и разрыв запечатался за ним, как будто его и не было.

Гарри уставился на него. Мужчина был высоким, очень высоким, но плоти на нем, казалось, почти не было: одни кости, острые углы и неестественно длинные конечности, а грива черных волос, которые извивались на месте и испарялись, как бесцветный, бездымный огонь, располагалась над глазами незабываемого оттенка электрической зелени. Зеленый цвет Авады Кедавы. От ухмылки на лице мужчины у Гарри по позвоночнику пробежал холодный озноб: казалось, что его лицо расколосось пополам от уха до уха - словно плоть мужчины была сделана из глины, а улыбка проделала крошечные трещины в его коже, а на челюстях красовались нечеловеческие, кошмарные клыки, не похожие ни на какие другие, магические или иные, существа. Поверх черной мантии был накинут серебряный плащ, который, казалось, двигался и пульсировал, как жидкость, скрепленный странным серебряным символом из трех фигур, от которого Дамблдор поперхнулся собственной слюной.

Все это Гарри заметил в одно мгновение. А затем аура мужчины охватила комнату.

Это был укус инея, грохочущее дыхание дементора, душераздирающий крик матери, держащей на руках труп своего ребёнка, истерический смех человека, смотрящего смерти в лицо. Это было непостижимо, недоступно человеческому пониманию во всех смыслах этого слова; одна его пульсация выплеснулась из человека осязаемой ударной волной силы, которая длилась всего одно мгновение, и каждое сердце в комнате пропустило несколько ударов от шока: все упало на колени, задыхаясь и хватаясь за грудь. Затем аура заметно втянулась внутрь, заперлась в этом... существе и хранилась там, как дремлющий дракон.

Существо оглядело комнату, на его лице всё ещё играла ухмылка Глазго, пока взгляд убийственного проклятия не остановился на Дамблдоре и не заострился на чём-то невообразимо опасном. Чудовище распахнуло клыкастую пасть, и черный язык - слишком длинный для человека, слишком длинный для тунгуса - прошелся по его губам, когда он заговорил.

"Альбус Дамблдор...", - прошелестело в хриплом дыхании, которое обошло их уши стороной, обращаясь прямо к их душам. Гарри глубоко вдохнул, отчаянно нуждаясь в воздухе, и задумался, что за чудовище призвал сюда Дамблдор. Широкая ухмылка стала ещё шире. "Ты... вызвал меня?"

Гарри закрыл глаза от ужасного шепота голоса, который терзал его нервы, как наждачная

бумага, и молился, чтобы смерть забрала их быстро, потому что он сомневался, что это существо сделает это быстро или вообще безболезненно.

Словно услышав его, электрический взгляд существа метнулся в его сторону, челюсти сжались в сцепленную массу клыков и острых как бритва зубов, а улыбка стала еще более дикой, зрачки расширились, как чернила в воде, пока не закрыли радужку и склеру, оставив лишь черную полосу. Гарри не нравилась эта улыбка. Она вообще ему не нравилась.

Ещё меньше ему нравился последовавший за ней хриплый, глубокий смех.

<http://tl.rulate.ru/book/101167/3474863>